

УДК 316

DOI 10.52452/18115942_2024_2_126

ПОКОЛЕНИЕ Z КАК САМЫЕ МОЛОДЫЕ ИЗ НЫНЕШНИХ ВЗРОСЛЫХ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЗУМЕРОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2024 г.

О.А. Парфенова

Парфенова Оксана Анатольевна, к.соц.н.; старший научный сотрудник
Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург
oparfenova2023@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 18.12.2023**Статья принята к публикации 26.04.2024*

Представлены результаты пилотного исследования самых молодых из нынешних взрослых – поколения Z. На примере межпоколенных отношений со «старшими взрослыми» – бабушками и дедушками мы пытаемся определить черты зумеров, их ценности и способы выстраивания отношений, поведение в конфликтных ситуациях. Для анализа используется концепция поколения. Эмпирическими материалами послужили интервью со студентами 18–21 лет. Несмотря на цифровизацию и обилие информации (а возможно, и благодаря им) прародители в глазах молодых являются авторитетным источником знаний о прошлом как конкретной семьи, так и шире – страны и эпохи. Бабушки и дедушки, будучи «родом из СССР», с одной стороны, кажутся в чем-то безнадежно далекими от современности, но одновременно с тем служат ценным и живым источником знаний о той стране, которую молодые уже не застали. Для зумеров большую ценность имеют уважение к личным границам и чужому мнению – это они демонстрируют сами и того же ждут от старших. В случае конфликтов зумеры предпочитают избегать их, не затрагивая «опасные темы» или же соглашаясь «на словах», но продолжая думать и делать «по-своему». Для зумеров важны близкие доверительные контакты, и прародитель (чаще бабушка) вполне успешно выполняет роль поддерживающего взрослого, которому можно доверять и который может оказать психологическую поддержку. В свою очередь, поколение Z – «цифровые аборигены» являются экспертами и проводниками в цифровом мире для своих прародителей, заслуживая тем самым авторитет и выстраивая отношения из позиции «взрослый – взрослому». Таким образом, можно говорить о возникновении некоего уникального пространства межпоколенного обмена, в котором прародитель является для младших поддерживающим взрослым и уникальным источником знаний о прошлом (не только семьи, но и страны), а младшие для бабушек и дедушек – часто единственными и оттого очень значимыми проводниками в наступившее цифровое будущее.

Ключевые слова: межпоколенные отношения; теория поколений; прародители; поколение Z; зумеры; ценности зумеров; конфликт поколений.

Введение

Самыми молодыми взрослыми являются представители поколения Z, или, как их еще называют, центилеалы, или зумеры. Зумеры вызывают большой интерес исследователей, уже посвятивших им внушительное количество работ. Какие у них ценности? Как и что они потребляют? Какие они студенты и как их обучать? Как они выстраивают отношения? Какими они будут работниками и как их массовый приход повлияет на рынок труда? Это лишь часть вопросов, на которые пытаются дать ответ самые свежие исследования, рисуя некий общий портрет поколения. Изучение студентов-зумеров показывает, что их взгляды и убеждения в сочетании с развитыми цифровыми навыками требуют изменения подхода к их обучению и включения в него больше интерактивных и виртуальных сред,

геймификации. Кроме того, обладая более развитым, в сравнении с предыдущими поколениями, навыками самообразования, перепроверки информации и критическим мышлением, зумеры нуждаются в более убедительном обосновании необходимости получения образования в привычном формате [1, 2]. Зумеры ценят свободу выбора в обучении, а в личном общении их эмоциональные контакты ограничены узким кругом лиц [3]. Поколение Z активно изучается в контексте их будущей/наступающей трудовой занятости – исследователей интересуют их карьерные устремления, характеристики как потенциальных будущих работников, исходя из того, что это первое «цифровое» поколение, имеющее доступ к Интернету и современным технологиям с раннего возраста [4, 5]. Сравнения молодых работников в Германии с более старшими поколениями показывают, что зумеры меньше стре-

мятся делать карьеру и для них менее важно вознаграждение, они не готовы работать «гибко», смешивая работу и частную жизнь, для них важен баланс и ощущение безопасности [6]. Крупные корпорации интересуются зумерами как многочисленным и первым поколением «цифровых аборигенов», влияние которых возрастает с каждым годом. Они рассматриваются как новый тип потребителя, для которого важен не бренд как таковой, а его ценности и то, как он их воплощает в жизнь, делая лучше своих потребителей. Зумеры менее конфликтны и более прагматичны, но при этом резко нетерпимы к расистским и гомофобным проявлениям [7, 8]. Поколение Z признается учеными самым экологически сознательным и альтруистичным, готовым жертвовать личным комфортом ради сохранения природной окружающей среды [9].

Несмотря на активный интерес исследователей к зумерам и попытки обозначить некие основные поколенческие черты и спрогнозировать поведение в различных контекстах, мы во многих случаях имеем дело скорее с «перспективным» портретом поколения. Это связано с тем, что зумеры только вступают в активную фазу «взрослой» жизни, обретая политические права, становясь полноценными участниками рынка труда, потребителями и получая возможность в полной мере влиять на окружающую их реальность. Подобно тому, как В.В. Радаев стремился понять миллениалов и посвятил им фундаментальное исследование [10], наш исследовательский интерес тоже возник из желания узнать и понять поколение самых молодых из нынешних взрослых – поколение зумеров и его ценности. Безусловно, это амбициозная задача, и мы не ставим своей целью ее решить в рамках пилотного исследования. Мы сфокусируемся на вопросе о роли межпоколенных отношений в жизни зумеров на примере их взаимоотношений с бабушками и дедушками¹. Наше исследование посвящено совершеннолетним зумерам (18+), которые являются самыми старшими представителями поколения Z, вступающими во взрослую жизнь, и одновременно с этим – самыми молодыми взрослыми. Их бабушками и дедушками в свою очередь являются, как правило, представители поколения беби-бумеров² или *поколения застоя*³, названное так по периоду его социализации, совпавшему с временами брежневского застоя [10]. В. Семенова, предлагая для поколения застоя определение «доперестроечное», характеризует его как «духовно-активное и рефлексивное», потенциал которого, к сожалению, не был реализован в полной мере (см.: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: НЛЮ, 2005. С. 97). Россий-

ские беби-бумеры в качестве основных характеристик своего поколения называют терпеливость, ответственность, бережливость, чувство долга. Младшие же поколения они считают более креативными и менее конформными (см.: Ученые записки. Электр. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2019. № 3. С. 220–230).

Теоретико-методологические основания исследования

Определением поколения как социологической категории одним из первых занялся Карл Мангейм еще в первой половине прошлого века⁴. Он определил поколение не просто как людей, родившихся в одно и то же время, но и как общность, которой «*свойственно общее местоположение в исторической протяженности социального процесса*» [11, с. 23]. Несколько упрощая, можно сказать, что общий социально-исторический контекст проживания одних и тех же значимых событий людьми одного возраста формирует «*специфические способы восприятия и практики поведения, которые отличают данное поколение от предшественников и последователей*» [10, с. 35]. Несмотря на то, что Мангейм заслужил место классика теории поколений, его коллега и современник Норберт Элиас, который тоже активно занимался поколениями, но гораздо менее известен в этом качестве, вполне может претендовать на существенный вклад в развитие теории поколений [12]. Н. Элиас, соглашаясь с Мангеймом в базовом понимании, что собою представляет поколение, развивает его до концепций «мы-идентичности» или коллективной идентичности, связывая ее с социальным габитусом и указывая на многослойность в современный период [12; 13]. Концепция поколений очень популярна у современных исследователей и в зависимости от цели анализа может пониматься разными способами. Так, сквозь призму поколения объясняются те или иные исторические события; поколение может служить способом периодизации социальной жизни, рассматриваться как источник формирования различных сообществ; через поколения можно определять понятие справедливости, исходя из меняющихся во времени межпоколенных обязательств и моральных ценностей. Наконец, поколение может рассматриваться как ось конфликта и надвигающегося кризиса [14]. И хотя сегодня не существует единого определения для концепции поколения и она может по-разному интерпретироваться в зависимости не только от цели исследования, но и от области социального знания, для социологов поколенческие отношения и процессы лежат в основе со-

циального метаболизма, а изучение взаимоотношений, сложившихся между разными поколениями, напрямую способствует анализу социальных изменений, социальной мобильности и передачи ценностей внутри семьи [15; 16].

Существуют разные подходы к хронологическому выделению поколений. Классическим считается подход, предложенный В. Штраусом и Н. Хоувом [17], в рамках которого выделяется 6 поколенческих когорт, каждой из которых присвоено условное название (например, «молчаливое поколение», беби-бумеры, миллениалы, Z). Другие исследователи, развивая подход Штрауса и Хоува, предлагали несколько отличающиеся хронологии и названия, но, впрочем, сохраняя общий принцип. В российской традиции тоже выделяется 6 поколений с привязкой не только к их годам рождения, но и периоду социализации. Как следствие, они имеют отличные от западных классификаций названия («мобилизационное поколение», «поколение оттепели», «поколение застоя», «реформенное поколение»), за исключением миллениалов и поколения Z [10].

Исследования показывают, что межпоколенные взаимодействия между молодыми и старшими (пожилыми), даже вне контекста семейных связей, улучшают отношение младших к старшим, повышая их симпатию, чувство привязанности и вовлеченности в общение [18]. Если говорить о внутрисемейных отношениях, то модели жизни бабушек и дедушек, которые молодой взрослый наблюдает и воспринимает с ранних лет, способствуют формированию его собственных представлений о будущих этапах своей жизни. Жизнь прародителей служит своего рода «прогнозом» для младших, влияя на их временную перспективу [19; 20]. На примере российских студентов показано, что психологическое благополучие молодых людей и вовлеченность в межпоколенные отношения положительно связаны, более того, именно отношения с прародителями (бабушками и дедушками) являются более значимыми и влияют на формирование временной перспективы жизни [20]. Здесь важно отметить, что в российском контексте, несмотря на продолжающуюся нуклеаризацию, влекущую раздельное проживание разных поколений семьи, сохраняется интенсивный характер внутрисемейных трансфертов, в том числе благодаря новым технологиям, делающим коммуникацию более доступной [21]. При этом российский субинститут прародительства имеет свою специфику – он носит выраженный феминный характер (бабушки чаще живы и с ними чаще поддерживают контакт) и молодежь в большинстве своем положительно оценивает роль бабушек в своей жизни [22]. Это позволяет

предположить, что именно межпоколенные отношения с прародителями, с одной стороны, как влиятельные и значимые для молодых, а с другой – как активно практикуемые, могут служить источником знаний о молодом поколении. Поэтому в нашем исследовании мы делаем попытку понять поколенческие черты молодых взрослых через их отношения со старшим поколением – собственными бабушками и дедушками.

Эмпирические данные

Объектом нашего исследования выступает нынешнее молодое поколение Z, или зумеры. Предмет исследования – межпоколенные отношения между зумерами и прародителями из перспективы молодого поколения. Мы сфокусировали свое внимание на представителях молодого поколения, проживающих в крупном городе (в данном случае – Санкт-Петербурге). В качестве эмпирических данных мы использовали интервью со студентами – девушками и юношами в возрасте 18–21 лет или 2000–2004 гг. рождения. Условной границей для нас служил 2000 г. рождения, хотя стоит отметить, что в некоторых классификациях поколение зумеров отсчитывается с 1995 г. рождения. В апреле–мае 2022 г. было собрано 14 интервью со студентами вузов Санкт-Петербурга, из которых 9 девушек и 5 юношей. Требования к информантам были предельно просты – возраст и наличие бабушек и/или дедушек, об отношениях с которыми они согласны были поговорить. Формат проживания с прародителями практически у всех информантов оказался раздельным (кроме одной информантки, которая временно проживает с бабушкой), при этом часть интервьюированных живут с бабушками и дедушками в одном городе, а примерно у половины бабушки и дедушки проживают в других городах или даже странах. Изначально планировались парные интервью «внук (внучка) – бабушка (дедушка)», но задумку реализовать не удалось. Интервью носили сфокусированный характер. Гайд интервью включал несколько тематических блоков, посвященных практикам взаимоотношений с бабушками/дедушками, рефлексии о межпоколенных отношениях и нормам/идеалам. Анализ осуществлялся с помощью тематического кодирования. В ходе анализа на основе рубрикатора гайда и появления новых кодов в интервью были выделены основные блоки, с помощью которых постараемся раскрыть особенности взаимоотношений зумеров с

прародителями, смысловые и ценностные составляющие и понять, какие поколенческие характеристики здесь просматриваются.

Результаты

Образ бабушек и дедушек глазами зумеров. Ценности межпоколенных связей

В интервью отчетливо прослеживается роль старших⁵ как наставников, источника знаний по самым разным вопросам. Зумеры воспринимают прародителей как источник знаний внутри семьи – от истории семьи и взаимоотношений между родственниками до истории страны. Можно говорить о своего рода познании истории молодыми через опыт, представленный в рассказах бабушек и дедушек. В этом смысле интерпретация истории прародителями усваивается внуками как устная история, которой доверия порой больше, поскольку она представлена из перспективы очевидца и содержит детали, которых, по словам нескольких информантов, «не найдешь в Интернете».

Наверное, все-таки это опять же обмен опытом и знание истории, истории своей семьи, истории в принципе (Интервью 5, ж., 20 лет);

[бабушка] может по историческим событиям рассказать почетче, чем написано в Интернете (Интервью 8, м., 21 год);

Ну, основная ценность общения, это, конечно, опыт, который они передают, какие-то истории, которые они рассказывают о семье. То есть это какие-то семейные ценности, традиции, которые они передают по наследству, это тоже все очень важно (Интервью 12, ж., 20 лет).

Таким образом молодые информанты формируют отношение к прошлому своей семьи и даже страны на основе рассказов прародителей. Это не было бы каким-то удивительным выводом или оригинальной находкой, поскольку старшие всегда воспринимались как источник подобных знаний. Но, учитывая то, что зумеры – «цифровые аборигены» и обладают несравнимо большим доступом к информации, мы отмечаем этот факт – несмотря на цифровизацию и обилие информации (а возможно, и благодаря им), старшие остаются авторитетным источником знаний о прошлом. Молодые взрослые говорят о расширении кругозора и новом взгляде на вещи из перспективы опыта старших.

И: *А вот что именно тебе дает общение с бабушками и дедушками?*

Оно дает какой-то новый взгляд на происходящие в моей жизни вещи (Интервью 1, м., 20 лет);

Ну, наверное, расширяет мой кругозор, не знаю, обмен опытом. То есть она мне рассказывает какие-то вещи, смотрит на них под таким

углом, под которым не смотрю я (Интервью 5, ж., 20 лет).

Зумеры иногда парадоксальным образом признают ценность разных аспектов жизненного опыта своих старших. Парадоксальность здесь заключается в том, что молодые порой говорят о нерелевантности опыта и умозаключений прародителей, которые «родом из СССР», в нынешних условиях, однако вместе с тем признают, что часто внимательно слушают их советы и те оказываются им полезны. Здесь можно говорить о своего рода «авторитете очевидца».

Другая очень важная характеристика прародителя, которую мы определили в ходе анализа, – это поддерживающий взрослый, которому можно доверять, который может оказать психологическую поддержку. Чаще именно бабушка воспринимается как тот значимый старший, которому можно довериться, иногда «на все 100%». Доверие и близость в отношениях не обязательно напрямую связаны с тем, насколько вовлеченно прародители заботились о внуках в детстве. Порой отношения выстраиваются уже в сознательном возрасте или контакты не являются слишком частыми:

Люди прекрасные [бабушка и дедушка], то есть они для меня являются ориентирами вообще по жизни, во всех отраслях, во всех направлениях. Вот. И всегда я стараюсь равняться с ними. То есть с одним дедушкой у меня контакт весьма небольшой был за мою жизнь. Вот из-за того, что родители разведены, а дедушка по папиной линии, и мы с ним виделись редко, но метко. И лишь повзрослев, я понимаю, насколько человек преподавал мне большие уроки в жизни, в жизни важные (Интервью 3, м., 20 лет).

Доверие – важный фундамент в отношениях между поколениями. Зумеры высоко ценят уважение к личным границам, которое лежит в основе доверия:

И совета, кстати, очень часто прислушиваюсь к советам [старших] в отношениях. Это одни из первых людей, которые узнают о каких-то моих взаимоотношениях с кем-то, раньше, чем родители обычно. Почему? Потому что это те люди, которые никогда и вообще ни с кем не будут, и в принципе, не смогут этих моментов обсуждать вообще. То есть шире, чем их маленькая квартирка, эта какая-то новость, она просто не сможет выйти. И поэтому я абсолютно спокойно могу им все что угодно рассказать. И если, допустим, они почувствуют, что я не хочу развивать какую-то тему, не хочу о чем-то рассказывать, то они никогда не будут давить на меня с целью того, чтобы все-все узнать. Они это почувствуют и сменяют тему просто, и все. С родителями не так. Там полный

контроль должен быть. Все должны быть в курсе всего. Вот. Сложнее (Интервью 12, ж., 20 лет).

В этом отрывке информантка не просто объясняет механизм выстраивания доверия со старшими – они не будут ее обсуждать и осуждать, провоцировать разговоры на неприятные темы, но и сравнивает их с родителями, с которыми «все не так».

Межпоколенные конфликты: какие они?

В.В. Радаев в своей упомянутой выше работе выдвигает предположение по поводу резко снизившегося числа конфликтов миллениалов с родительским поколением: *И есть нехорошее подозрение, что конфликта как такового нет, потому что попросту не о чем спорить — жизнь старших и младших поколений все больше протекает в параллельных мирах* [10, с. 180]. Рискнем предположить, что дело не в разобщенности поколений по «параллельным мирам», а все в тех же ценностях. Уважение к чужим границам, гораздо более выраженная терпимость к чужому мнению – эти свойства уже в какой-то мере присущи миллениалам, но в еще большей степени проявлены у зумеров, которые уже признаются самими неконфликтными из нынешних взрослых. Наши интервью подтверждают это предположение. Потенциал для конфликта, безусловно, есть, и он в принципе ровно тот же, что был и в предыдущих поколениях, – как правило, это вопросы политики, выстраивание профессиональной траектории, отношения. Но как мы видим на примерах интервью, конфликт гасится именно усилиями зумеров, и тут возможны разные тактики – уклонение от общения (в случае чересчур агрессивных нападок со стороны старших, такое нам встретилось в одном интервью) либо путем игнорирования и мягкой дискуссии:

Ну, достаточно консервативная у меня одна из бабушек, и, например, какие-то современные мысли ей непонятны, но я стараюсь это игнорировать (Интервью 6, ж., 20 лет);

Я стараюсь не конфликтовать, не считаю, что это правильно, даже если мнения не совпадают, я просто промолчу, мне кажется бабушка не та, с кем стоит иметь конфликты (Интервью 13, ж., 20 лет);

Может быть, у меня другая немножко политика, я всегда принимаю их мнение, и как-то не говорю, что нет, вы не правы. Я приму, да, я скажу, да, ты права, умничка. Когда ты мне сказала, это у тебя было так. Но у меня может быть и по-другому, но я не буду с тобой спорить. Я приняла твой факт, я его обработала и сделала все равно по-своему, как бы (Интервью 11, ж., 18 лет).

При этом сами информанты рефлексировали по поводу причин конфликта, объясняя их разницей поколений:

Разные мировоззрения, потому что мы родились в разный период жизни, у них – когда это был Советский Союз, а у нас – это современный мир, Россия. И у нас понятия иногда не сходятся. Для них каждая ситуация намного проще, чем сейчас она есть. Они там могут говорить, что у нас же тогда было все так легко. [...] Но стычки именно про прошлое и настоящее есть. А внуки передают все-таки бабушкам и дедушкам немножко современные реалии, которые они не видят за своими этими очками СССР. [смех] Просто я очень часто слышу, что вот в СССРе такого не было. Ну, просто привыкли, что там так было. А вот это вы принять не можете. Да и перестроиться им очень сложно. Там был очень сильный перелом, как будто очень трудно принять, что сейчас происходит (Интервью 11, ж., 18 лет).

Здесь хорошо видно, как младшее поколение, рожденное уже после СССР, не знавшее той страны и эпохи, апеллирует к ней как к чему-то безвозвратно ушедшему и принимает то, что у старших, рожденных, социализировавшихся и проживших большую часть сознательной жизни в СССР, присутствуют те самые «очки СССР». Рассуждая о том, как можно было бы избежать конфликтов, молодые, опять-таки, проговаривают, что наиболее ценно для них – чувствовать, понимать, принимать:

Наверное, стараться принимать точки зрения друг друга и пытаться понять, что чувствует бабушка, и ей понять, что чувствую я (Интервью 9, ж., 18 лет).

Ярко выраженное осознание зумеров, что «мы разные», в отношении советского поколения их бабушек и дедушек и стремление уходить от конфликтных столкновений, на наш взгляд, позволяет охарактеризовать молодых взрослых как неконфликтных, терпимых, принимающих.

Зумеры как проводники в цифровой мир

Продвинутые цифровые навыки младшего поколения делают их своего рода экспертами по отношению к прародителям. Это позволяет, помимо привычной инструментальной помощи бабушкам и дедушкам (наши информанты перечисляли такие виды помощи, как купить продукты и лекарства, повесить шторы, погулять, привезти, прибрать в квартире), оказывать цифровую помощь. Наши предыдущие исследования уже фиксировали повсеместный рост освоения старшим поколением гаджетов и цифровых технологий, в том числе (и во многом) для под-

держания общения в период пандемии. И зачастую наставниками там тоже выступали младшие [23]. В настоящем исследовании все информанты рассказали о разных способах помогать старшим освоиться в «цифровом мире».

Да, в плане компьютерных технологий ин-формационных [помогаю]. Помочь что-то настроить, что-то скачать, установить (Интервью 2, м., 20 лет);

Вот по маминной линии бабушка с дедушкой весьма подкованные в плане технологий, то есть я их обучил пользоваться «Вотсапом», пользоваться «Вайбером». И вот сейчас они осваивают «Телеграм». Дедушка осваивает почту. У него Gmail и «Яндекс» есть.[...] Поэтому запомнить, допустим, как именно нужно отсканировать файл, прикрепить его и отправить на почту по корпоративному адресу [трудно]. Всегда требуют какой-то небольшой консультации со мной (Интервью 1, м., 20 лет).

Подобная роль дает зумерам возможность почувствовать себя значимыми и настоящими взрослыми, которые имеют авторитет в глазах важных для них старших. У поколения Z – «цифровых аборигенов», пожалуй, впервые в сравнении с предыдущими поколениями появляется четко очерченное пространство межпоколенного обмена, в котором они, будучи в состоянии поделиться со старшими значимыми и важными для современной жизни цифровыми навыками, становятся основными драйверами и проводниками в цифровой мир.

Идеальный образ старших

В ответах на просьбу описать образ идеальных бабушек и дедушек зумеры воспроизводят те характеристики, которые отмечались как важные для них и в предыдущих рассуждениях. Идеальный старший должен видеть в тебе взрослую личность, уважать твои границы и точку зрения, не навязывать свое мнение:

Это должны быть понимающие люди со своим взглядом, однако принимающим чужую точку зрения (Интервью 1, м., 20 лет);

Но при этом стоит еще учитывать свои какие-то границы. Потому что если твои границы нарушаются, то с этим человеком нужно уменьшать количество общения. Даже если это твой родственник. То есть если твой родственник тебе причиняет какой-то дискомфорт, нарушает твои личные границы и не пытается с этим что-то сделать, то стоит делать какие-то выводы самому молодому человеку и как-то минимизировать общение. Ну, мне кажется, что моя бабушка по материнской линии – идеальная, потому что она не пытается нарушить мои границы, она всегда все понимает, всегда

думает о моем удобстве, боится как-то позвонить или отвлечь меня, не присылает 1 000 000 картинок в «Вотсапе» (Интервью 4, ж., 21 год).

Старшие не должны слишком держаться за прошлое, несмотря на то, что ценность их опыта признается. Себя в старости зумеры хотят видеть «современными», «на одной волне» с внуками. У кого-то идеал совпадает с нынешними бабушками/дедушками, иногда это синтез – когда информант хотел бы в старости быть таким же заботливым, как бабушка, и иметь такие же «чувство юмора и кругозор», как дедушка.

Заключение

Наше исследование не претендует на генерализацию, ввиду пилотного характера и скромности выборки, и требует дальнейшего развития. Тем не менее благодаря интервью мы смогли оформить некоторые штрихи к портрету самых молодых взрослых – поколения Z. Тема уважения личных границ и чужого мнения является доминирующей в интервью зумеров – сквозь эту призму они во многом оценивают и свои отношения с прародителями. Уважение к чужому мнению и психологическим границам помогает поколению Z поддерживать ровные отношения и избегать конфликтов с более консервативным поколением «беби-зумеров». Несмотря на разрыв в возрасте и межпоколенческий ценностный конфликт, мы на материале нашего исследования делаем вывод, что старшие в лице бабушек и дедушек и при наличии регулярных контактов являются значимыми фигурами для современных зумеров. Молодые нуждаются в поддерживающем взрослом, и они находят его в прародителе – того самого значимого взрослого, который может оказать необходимую психологическую поддержку и которому доверить порой можно больше, чем родителям. На примере взаимодействия поколений зумеров и беби-зумеров мы наблюдаем столкновение двух принципиально разных поколений – первого полностью постсоветского в лице зумеров и в лице их прародителей носителей архетипа «простого советского человека», социализировавшегося в период застоя. Число носителей архетипа «простого советского человека» сокращается с каждым годом [24], и тем ценнее их роль в межпоколенном обмене. Зумеры стремятся узнать историю не просто собственной семьи, но шире – страны – именно из перспективы старших. Бабушки и дедушки, с одной стороны, смотрят на мир сквозь «очки СССР», а с другой – воспринимаются как авторитеты и живые и ценные источники знаний о той стране, которую молодые не застали. При этом, будучи первым поколением «цифровых

аборигенов», зумеры в состоянии осуществлять полноценный обмен со старшими. Получая от старших их знания, опыт, поддержку и советы, молодые, в свою очередь, являются полноценными проводниками и наставниками в новый для старших цифровой мир. Подобный обмен позволяет молодым заслужить дополнительный авторитет в глазах старших и выстраивать более равноправные отношения на позициях «взрослый – взрослому». И здесь нам хотелось бы немного подискутировать с коллегами, получившими несколько отличающиеся выводы с помощью количественного опроса российских студентов об их отношениях с бабушками и дедушками. З.Х. Саралиева с коллегами делают вывод о нарастающем отчуждении поколений, объясняя его сразу несколькими факторами – начиная от территориальной разделенности нуклеарных семей и растущей профессиональной занятости прародителей-пенсionеров и заканчивая главным, по их мнению, – «*скоротечными радикальными изменениями, ведущими к становлению цифрового общества, что во многом обесценивает опыт родителей и прародителей в интеллектуальном взаимодействии поколений*» [25, с. 70]. Наше исследование показывает, что именно цифровые компетенции молодых создают возможность для некоего уникального пространства межпоколенного обмена, в котором старшие являются для младших уникальным источником знаний о прошлом не только семьи, но и страны, а младшие для старших – часто единственными и потому очень значимыми проводниками в наступившее цифровое будущее. Это само по себе не отрицает наличия отчужденности между поколениями, но показывает и иные существующие возможности, и сценарии развития межпоколенного взаимодействия.

Примечания

1. Здесь и далее под межпоколенными отношениями применительно к нашему исследованию мы понимаем отношения зумеров именно со «старшими взрослыми», или прародителями – поколением бабушек и дедушек.

2. Некоторые исследователи полагают, что применительно к российскому послевоенному поколению некорректно употреблять обозначение «беби-бумер», поскольку на войне погибли и остались инвалидами миллионы людей (преимущественно мужчин) и, как следствие, никакого беби-бума в СССР после войны не было, коэффициенты рождаемости были ниже довоенных, а потери населения не могли компенсироваться еще очень долго [28].

3. Юрий Левада определил поколение застоя (российских бумеров) как родившихся в 1944–1968 гг. и реализовавшихся в период «застоя» 1964–1985 гг. [10].

4. Его первая статья «The problem of generations» вышла в 20-е годы и была переиздана в 1952 г. Русский перевод этой работы вышел только в 2000 г., на него мы и ссылаемся.

5. Здесь и далее под «старшими» мы будем понимать бабушек и дедушек наших информантов и использовать в качестве синонима для слова «прародители».

Список литературы

1. Vizcaya-Moreno M.F., Pérez-Cañaveras R.M. Social media used and teaching methods preferred by generation Z students in the nursing clinical learning environment: A cross-sectional research study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. V. 17. № 21. P. 8267.
2. Giray L. Meet the centennials: Understanding the generation Z students // *International Journal of Sociologies and Anthropologies Science Reviews*. 2022. V. 2. № 4. P. 9–18.
3. Толстикова И.И. и др. Коммуникативные компетенции поколения Z и выбор формата обучения в контексте цифровизации // *International Journal of Open Information Technologies*. 2022. V. 10. № 11. P. 60–69.
4. Dolot A. et al. The characteristics of Generation Z // *E-mentor*. 2018. V. 74. № 2. P. 44–50.
5. Barhate B., Dirani K.M. Career aspirations of generation Z: a systematic literature review // *European Journal of Training and Development*. 2022. V. 46. № 1/2. P. 139–157.
6. Scholz C., Grotefend L.D. Generation Z in Germany: The (Un) Typical German? // *Generations Z in Europe*. Emerald Publishing Limited, 2019. P. 169–197.
7. Рожина Е.Ю., Селиванова И.В. Поколение Z как потребители товаров и услуг // *Российское предпринимательство*. 2017. Т. 18. № 24. С. 4289–4300.
8. Francis T., Hoefel F. True Gen': Generation Z and its implications for companies / McKinsey & Company. 2018. V. 12. P. 1–10.
9. Ribeiro M.A. et al. Determinants of generation Z pro-environmental travel behaviour: the moderating role of green consumption values // *Journal of Sustainable Tourism*. 2023. July. P. 1–21.
10. Радаев В.В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Высшая школа экономики, 2019. 224 с.
11. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я. Додина; РАН, ИНИОН. М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.
12. Connolly J. Generational conflict and the sociology of generations: Mannheim and Elias reconsidered // *Theory, Culture & Society*. 2019. V. 36. № 7-8. P. 153–172.
13. Elias N. *The Society of Individuals*. Bloomsbury Publishing USA, 2001. 246 p.
14. White J. Thinking generations // *The British Journal of Sociology*. 2013. V. 64. № 2. P. 216–247.
15. Kertzer D.I. Generation as a sociological problem // *Annual Review of Sociology*. 1983. V. 9. № 1. P. 125–149.
16. Popescu A. The brief history of generation – defining the concept of generation. An analysis of literature review // *Journal of Comparative Research in Anthropology and Sociology*. 2019. V. 10. № 02. P. 15–30.

17. Strauss W., Howe N. Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N.Y.: William Morrow and Company, 1991. 538 p.
18. Wagner L.S., Luger T.M. Generation to generation: effects of intergenerational interactions on attitudes // *Educational Gerontology*. 2021. V. 47. № 1. P. 1–12.
19. Bernhold Q.S. Grandparents' affectionate communication toward grandchildren and grandchildren's mental health difficulties: The moderating role of future time perspective // *Health Communication*. 2019. V. 35. № 7. P. 822–831.
20. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Межпоколенные отношения как фактор психологического благополучия студентов: опосредующая роль временной перспективы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2022. Т. 12. № 4. С. 472–486.
21. Бурмыкина О.Н. Тенденции изменений межпоколенных семейных отношений // *Петербургская социология сегодня*. 2019. № 12. С. 134–153.
22. Саралиева З.Х., Судьин С.А., Янак А.Л. Пра-родительские отношения в современной российской семье: опыт пилотного исследования // *I Российско-Иранский социологический форум. Сборник тезисов докладов участников форума*. М., 2020. С. 509–521.
23. Парфенова О.А., Петухова И.С. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах // *Социологические исследования*. 2022. Т. 5. № 5. С. 71–80.
24. Радаев В.В. Прощай, советский простой человек! // *Общественные науки и современность*. 2018. № 3. С. 51–65.
25. Саралиева З.Х. Межпоколенные отношения: взаимодействие vs отчуждение // *Старшее поколение современной России: Материалы Международной научно-практ. конференции, 13–14 октября 2021, Н. Новгород / Под. общ. ред. З.Х. Саралиевой*. Н. Новгород: ННГУ, 2021. С. 66–70.
26. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // *Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России*. М.: НЛЮ, 2005. С. 80–107.
27. Дробышева Т.В., Войтенко М.Ю., Дробышева-ва М.М. Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «Беби-бумеров», «X» и «Миллениум») // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 3 (51). С. 220–230.
28. Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 4 (146). С. 309–323.

**GENERATION Z AS THE YOUNGEST OF CURRENT ADULTS:
HINTS TO THE PORTRAIT OF ZOOMERS THROUGH
THE LENS OF INTERGENERATIONAL RELATIONS**

O.A. Parfenova

Sociological Institute of RAS, St. Petersburg

The study was born out of a desire to know and understand the generation of the youngest of today's adults – Generation Z, their values and ways of living their lives. Using the example of intergenerational relationships with «older adults» – grandparents, we analyze some of the features of zoomers, their values and ways of building relationships, and behavior in conflict situations. The concept of generation is used for analysis. The empirical materials were interviews with students aged 18–21 – the oldest representatives of generation Z. Despite digitalization and the abundance of information (and perhaps thanks to them) – in the eyes of young people, grandparents are an authoritative source of knowledge about the past of both a particular family and the wider country and eras. The grandparents, being “originally from the USSR,” on the one hand, seem in some ways hopelessly far from modernity, but at the same time, they serve as a valuable and living source of knowledge about the country that the young have no longer found. For zoomers, respect for personal boundaries and other people's opinions is of great value - they demonstrate this themselves and expect the same from their grandparents. In case of conflicts, zoomers prefer to avoid them, not touching on «dangerous topics», or agreeing «in words», but continuing to think and do «in their own way». In Generation Z, «digital natives» are experts and guides in the digital world for their grandparents, thereby earning authority and building relationships from an «adult-to-adult» position. Thus, we can talk about the emergence of a certain unique space of intergenerational exchange, in which the elders are for the younger ones a unique source of knowledge about the country's past, and the younger ones for the older ones are often the only and therefore very significant guides to the coming digital future.

Keywords: intergenerational relationships; theory of generations; generation Z; zoomers; Gen Z values; intergenerational conflicts.